

☞ Лондонская премия представляет писателя ☞

Мар. САЛИМ

НЕИЗБРАННОЕ –

для ИЗБРАННЫХ

Марсель Шайнурович Салимов
Неизбранное – для
избранных, любящих
юмор и терпящих сатиру:
юмор, сатира и не только
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44077248
НЕИЗБРАННОЕ – для ИЗБРАННЫХ, любящих юмор и терпящих
сатиру. Юмор, сатира и не только: Интернациональный Союз
писателей; М.; 2019
ISBN 978-5-00153-117-3

Аннотация

Эта книга выходит в свет в связи с 70-летием видного башкирского и российского писателя-сатирика, поэта, публициста, заслуженного работника культуры РФ и БССР, кавалера ордена Дружбы, лауреата международных литературных премий им. С. Михалкова, В. Гиляровского, В. Набокова (Россия), «Алеко» (Болгария), им. Н. Гоголя (Украина), им.

Э. Хемингуэя (Канада) и им. Дж. Лондона (США), обладателя звания «Золотое перо России» Марселя Салимова (Мар. Салим).

В сборник включены разножанровые произведения знаменитого юмориста, написанные в разные годы. В них автор поднимает актуальные проблемы нашей действительности. Как отметил классик советской и российской литературы Сергей Михалков, «смех Мар. Салима всегда социален, ведь его герои взяты из народной жизни».

Содержание

Любовь и терпение	7
Что думает о них автор	7
А что говорят другие	8
Птичье молоко	17
Ценный зять	19
Ключи Кумакаева	27
Знает не тот, кто ест, а тот, кто делит	31
Богом отмеченный	40
Пуп Земли	48
ЛНМ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марсель Салимов
НЕИЗБРАННОЕ – для
ИЗБРАННЫХ, любящих
юмор и терпящих сатиру.
Юмор, сатира и не только

© Салимов М.Ш., 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

*Хорошо, что есть на свете – смех,
И сатирик трудится, как дворник,
Чтобы мир, где грех лежит, как снег,
Подмести, как свой любимый дворик*

Мар. Салим

Любовь и терпение

Что думает о них автор

Вы видели когда-либо и где-нибудь людей, которые любят повторять везде и всегда, что они не любят юмор? То-то!

Однако только любить юмор – мало. Надо его и понимать.

Вы встречали людей, которые публично, перед всем честным народом, заявляют, что они терпеть не могут сатиру? Вряд ли.

В этой жизни многим приходится приглушать свою ненависть и терпеть её – сатиру, однако.

С такими неординарными чувствами не все способны совладать. А только избранные, исключительно неординарные люди.

Это НЕИЗБРАННОЕ – для ИЗБРАННЫХ.

А что говорят другие

Творчество всемирно известного сатирика и юмориста высоко оценили его российские и зарубежные коллеги – выдающиеся писатели, поэты, журналисты, общественные деятели:

Времена меняются, идеалы утрачиваются, но Мар. Салим остаётся самым собой, только перо его становится острее.

Мустай КАРИМ, народный поэт Башкортостана, Герой Социалистического Труда. Уфа, 1998

Нас с писателем-сатириком и поэтом Марселем Салимовым связывает одна небольшая безвестная речка Шулия. В её истоках родился я, в устье – там, где она впадает в реку Танып, в деревне Саёт родился Марсель. И надо же такому случиться, эта связь продолжилась и потом: когда после войны возобновился выпуск журнала «Хэнэк», первым редактором стал я, а сегодня его возглавляет Марсель Салимов.

В устье река всегда бывает шире и глубже, чем в начале. Так же широка и глубока сатира Мар. Салима. Назар НАДЖМИ, народный поэт Башкортостана. Уфа, 1998

Не все любят критику, чего нельзя сказать

о сатире и юморе Мар. Салима, которые народ воспринимает с любовью. Безжалостно втыкая свои «Вилы» в недостатки нашей жизни, он заслужил уважение и признание соотечественников.

Равиль БИКБАЕВ, народный поэт Башкортостана. Уфа, 1998

Быть писателем нелегко. А быть сатириком – очень даже тяжело. Марсель Салимов в этом трудном и проклятом жанре работает засучив рукава: сам – смелый, слово его – острое, а «Вилы» – заточенные.

Ангам АТНАБАЕВ, народный поэт Башкортостана. Уфа, 1998

Быть сатириком натуужно невозможно. Это качество идёт от природы.

Марсель Салимов – сатирик от природы. И поэтому естественно его долгое руководство сатирическим журналом.

Марат КАРИМОВ, народный поэт Башкортостана. Уфа, 1998

Перефразируя слова известной татарской песни, теперь можно спеть так:

*Он прекрасный юморист,
Берите пример с него!*

Гариф АХУНОВ, народный писатель Татарстана. Казань, 1998

Его сатира – зеркало общества, в котором отражаются наши лики и пороки. И поэтому, читая произведения Мар. Салима, мы смеёмся не наедине с самим собой, а с остроумным собеседником в лице автора.

Гайса ХУСАИНОВ, академик, народный писатель Башкортостана. Уфа, 2001

Марсель Салимов – юморист и сатирик Божьей милостью. Читая его острые, искромётные произведения, мы, смеясь, расстаёмся с прошлыми и поразившими общество новыми недугами. Хорошо, что есть такой писатель, который умеет рассмешить и вооружить зарядом оптимизма для противостояния злу, верой в силы добра.

Ахияр ХАКИМОВ, народный писатель Башкортостана. Москва, 2003

Можно смело утверждать, что на сегодня один из самых ярких национальных писателей-сатириков в России, заслуживших международное признание, – это Марсель Салимов, то бишь Мар. Салим, что означает в переводе со старотюркского: мар – разгром, салим – здоровый. Да, именно так, как писал журнал «Новый Крокодил», он и есть «здоровый разгром в Башикирии»! Ямиль МУСТАФИН, писатель, участник Великой Отечественной войны. Москва, 2006

Марселю Салимову, по натуре дружелюбному и благожелательному, подходит слово «сатирик». А

сатира не просто форма организации досуга, и не для того она только, чтобы выставить напоказ пошлость, невежество во всех их гранях; сатира – одно из проявлений сочувствия. Высокий тому пример – сатира Н.В. Гоголя. Он не только смеётся над своими героями и не только стыдится за них, но и сочувствует им...

И не случайны у Мар. Салима строки: «Чтобы понять Россию, надо быть сатириком». Или: «Сатира, как привлекательная женщина, притягивает многих, но принимает не каждого». Недостойны того!

Азат АБДУЛЛИН, народный писатель Башкортостана.
Москва, 2007

В последнее время, когда поверхностный, даже пошловатый юмор вытесняет наше традиционное сатирическое осмысление действительности, особо ценно появление салимовских книг острой социальной направленности. Писатель-сатирик хоть и безжалостно бичует недостатки, мешающие позитивному развитию общества, но его смех – не уничижительный, а оздоровительный, юмор – жизнеутверждающий, бодрящий, вдохновляющий читателей на добрые дела.

Александр ФИЛИППОВ, народный поэт Башкортостана.
Уфа, 2008

Своим пером любую цель
Умеет поразить Марсель!

Станислав КУНЯЕВ, поэт, главный редактор журнала «Наши современники». Москва, 2008

В городе Свиштов, где родился классик болгарского юмора и сатиры Алеко Константинов, был памятный вечер. Башкирский писатель Марсель Салимов получил Международную премию «Алеко», которая в прошлые годы была присуждена таким мастерам, как Генрих Бёльль, Уильям Сароян, Морис Дрюон, Азиз Несин, Леонид Ленч, Влада Булатович-Виб и другие. Когда актёр театра сатиры читал рассказ Салимова, в зале сначала появились улыбки, потом – смех, потом – хохот. И что произошло дальше? Огромный букет цветов Марсель отдал красивой болгарке, публику одарил смехом и улетел в родной Башкортостан со свидетельством Мастера в чемодане. Так башкирская сатира получила знак качества международного значения.

Йордан ПОПОВ, болгарский писатель-сатирик. София, 2008

Сокровенная творческая задача Марселя Салимова: удивлять читателя, помогать ему по-новому взглянуть на многие явления нашей жизни, сделать себя чуточку лучше и великодушной. Произведения автора учат читателя мыслить, а значит, становиться мудрее, зовут к добру, свету, честности и справедливости.

Сергей МИХАЛКОВ, Герой Социалистического Труда. Москва, 2008

Лишь те остаются в наше непростое время оптимистами, кто вносит свою лепту в победу добра над злом. В этом разгадка упрямого неуныния Марселя Салимова. По человеческому характеру – он родственник Сергея Михалкова. Сатирик, вечно находящийся в соприкосновении со злом, он вооружён не только иронией и смехом (хотя и иронии в её созидательном свойстве, и юмора – у него в избытке!), а ещё и уверенностью в своей правоте.

А эта уверенность его – от преданности своим башкирским нравственным традициям и своим историческим корням, от осознания своей принадлежности к нашей великой и многонациональной российской цивилизации.

Валерий ГАНИЧЕВ, председатель правления Союза писателей России в 1994–2018 гг. Москва, 2015

Творчество башкирского писателя Марселя Салимова, доступное теперь и англоязычным читателям, в особой остроумной манере знакомит с жизнью и культурой весёлого и дружелюбного башкирского народа, проживающего в центре Евразии. Лаура ГАМИЛЬТОН, председатель Евразийской творческой гильдии. Лондон, 2017

Марселя Салимова можно сразу узнать по широчайшей улыбке, которая не сходит с его лица, наверное, даже во сне. Нет, это не маска, которую приличествует носить юмористу, а отражение души

моего старинного друга Марселя. Когда у человека в душе мир, тогда и улыбка на его лице – естественная и солнечная.

Михаил ФЕДОТОВ, председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, советник Президента РФ, секретарь СЖР. Москва, 2017

Выступая на съезде Евразийской творческой гильдии, Марсель Салимов сказал, что Уральские горы не разделяют, а соединяют Европу и Азию. Добавлю от себя, что точно так же позитивный юмор этого знаменитого российского писателя с Урала объединяет народы Евразии.

Дэвид ПЭРРИ, первый председатель Евразийской творческой гильдии. Уэльс, 2017

В башкирском словесном искусстве юмор и сатира зародились в шутках, кулямасах Ерэнсэ-сэсэна. Марсель Салимов не только мастерски продолжил эту традицию, но и вывел её на международный уровень. В зарубежных странах, среди других народов башкирский юмор получил известность благодаря его творчеству. Я бы назвал Мар. Салима поистине «послом юмора». Заки АЛИБАЕВ, председатель правления Союза писателей Башкортостана. Уфа, 2018

Если следовать самому Мар. Салиму, то самое смешное в жизни Марселя Салимова – это его государственная награда. Где это видано, чтобы у юмориста и сатирика – человека априори обличающего

и высмеивающего на груди сиял орден Дружбы?! Наверное, только в том случае, если у самого писателя в груди бьётся большое и доброе сердце. Оно-то и не даст улыбке превратиться в ядовитую усмешку, оно не позволит утратить грань между дружеским соучастием и пренебрежением к человеку. Потому не вражда, а дружба!

Николай ИВАНОВ, председатель правления Союза писателей России. Москва, 2019

Творчество Марселя Салимова – удивительный и редкий в наше время жанр – добавляет его читателям и почитателям оптимизма и уверенности в жизни.

Владимир СОЛОВЬЁВ, председатель Союза журналистов России. Москва, 2019

Знаменитый писатель-сатирик и поэт-трибун, лауреат Международной премии имени Сергея Михалкова Марсель Салимов достойно представляет свой родной Башкортостан и Россию на международных литературно-культурных форумах. Мы высоко ценим его вклад в укрепление дружбы народов и литератур и в продолжение сатирических традиций в национальной литературе.

Иван ПЕРЕВЕРЗИН, председатель Международного сообщества писательских союзов. Москва, 2019

Знаю Марселя Салимова с начала века, когда я ещё работал в редакции газеты «Литературная Россия». Он был нашим активным автором и всегда

блистал искромётным юмором. Именно за свой «искромётный юмор, не позволяющий очерстветь нашим сердцам», стал он тогда лауреатом еженедельника «Литературная Россия». Сегодня почётный член Интернационального Союза писателей Марсель Салимов достойно представляет башкирскую и российскую сатиру за рубежом.

*Александр ГРИЦЕНКО, председатель правления
Интернационального Союза писателей. Москва, 2019*

Птичье молоко Суперповесть с сатирическим уклоном

*Не все понимают юмор, для таких приходится
писать сатиру.*

Мар. Савин

Ценный зять

Эх, чего не сделаешь для единственной горячо любимой дочери! Всё сделаешь: и то, что можно, и даже то, что нельзя. Ирка, а она многого стоила Акбару и Ямиге, росла, как желток в яйце: стараниями родителей ни одной пылинки на неё не упало. Тепличный цветок, можно сказать. Но, с другой стороны, как быстро летит время. Ой, как быстро! Кажется, только вчера дочь лепетала первые слова, играла в куклы и ходила в первый класс, а сегодня взглянете и не узнаете в этой красавице вчерашнюю девчонку. Настоящая невеста, и всё тут. Мать с отцом только дружно ахнули, когда любимый единственный ребёнок вернулся однажды с танцев только под утро и заявил:

– Дорогие предки, можете меня поздравить, я выхожу замуж за Амодеста!

Мать, естественно, хотела сознание потерять, да Акбар не дал, мужчина всё-таки.

– Спокойно, Ямига, – сказал он. – В молодости все мы немного сумасшедшие. Такова жизнь.

Однако Ямига не успокоилась, хотя гнев свой почему-то обратила не на дочь, а на мужа. Она утатила его в соседнюю комнату – и началось:

– Что ты меня успокаиваешь?! Это ты только ничего не знаешь и ничего не видишь, а я обо всём давно уже догады-

валась. Да ты знаешь, за кого она замуж собралась? За сына самого Кумакаева!

Жена была так потрясена, что Акбар не решился спросить её, кто же, собственно, такой этот Кумакаев, чтоб так волноваться. Поэтому он счёл за лучшее только многозначительно покачать головой и сказать:

– А-а-а!

Тут надо заметить, что если кого и боится старший учётчик небольшой конторы Акбар Минликаев, так это своей жены. Даже непосредственный начальник на службе для него нуль по сравнению с супругой. Двадцать лет с ней прожил, а вот поди ж ты – стоит Ямиге рассердиться, как у Акбара мурашки по телу, красные пятна, сыпь и другие аллергические реакции. Однако, надо отдать справедливость, Акбар о своей жене плохо никогда не отзывался. Почему? Это совсем другой вопрос. Наверное, мужская гордость не позволяет. Пожалуешься – люди могут засмеять. Скажут, дурак, зачем он тогда живёт с такой женой.

С одной стороны, это правда, жить с Ямигой трудно, потому что женщина она непростая, своеобразная. Стоит ей где-то что-то увидеть, в гостях, у знакомых или в магазине, она будто электричеством заряжается, и сладить с ней невозможно. Не выносит она, если у неё дома нет того, что есть в других домах. А если учесть, что знакомые Ямиги и Акбара сплошь люди с известным положением и возможностями (Ямига сама выбирает только таких и строго за этим сле-

дит), то угнаться за ними нелегко. Именно поэтому Акбар никогда не остаётся без дела, всегда в бегах, всегда что-то ищет, выбивает, достаёт или химичит, то есть действует полузаконными способами (кому как по вкусу), на которые его толкает неукротимая жена.

Но, с другой стороны, жить с Ямигой мужчине типа Акбара сносно. Он одет, ухожен, сыт, в этом отношении ему ни о чём беспокоиться не приходится. Он всегда в добром здравии и хорошем настроении. А что ещё нужно мужчине?

– Чего «а-а-а»? – Ямига с подозрением посмотрела на мужа. – Ты даже понятия не имеешь, кто такой Кумакаев, недотёпа!

– Почему «недотёпа»? – улыбнулся Акбар, хотя внутри у него всё закипело.

Тут нужно пояснить, что Ямига в отношениях с мужем, несмотря на властный характер, никогда не идёт напролом. Она знает, что мужа нельзя доводить до точки. Если чуть-чуть пережать – можно накликать беду. Все они, мужики, одинаковые, из-за пустяка на сторону начинают смотреть, мечтать начинают изменщики о тихом омуте с новой русалкой. Одним словом, пересаливать ни в коем случае нельзя. Но и штурвал семейного корабля Ямига никогда из рук не выпускает, мужу не отдаёт. Акбар как двигатель, его дело – работать. Без двигателя ни вперёд, ни назад не поедешь, а значит, за ним нужно присматривать: вовремя заправлять вкусным обедом, укладывать спать, ну и, конечно, смазывать

иногда рюмочкой коньяку.

Без ухода и смазки не только муж, телега начинает скрипеть. Для Ямиги Акбар вовсе не нуль, он для неё, скажем без преувеличения, находка. Ямиге нравятся в нём исполнительность без лишних вопросов и упорство в достижении поставленной цели. Другой, возможно, назвал бы эти качества как-нибудь иначе, но только не Ямига. У неё и в мыслях этого нет, так как Акбар удачно дополняет её собственную сообразительность и умение пользоваться всем добытым. Словом, Акбар нужен Ямиге, как крепкий замок вместительному сундуку. Если сложить все плюсы и минусы, все за и против, жить вместе Ямиге и Акбару просто выгодно...

Ямига мгновенно оценила улыбку мужа, сообразила, что зашла чуть дальше, чем нужно, и тут же поправилась.

– Чудак ты, ей-богу, Акбарчик, – пропела она. – Кумакаев же – это самый... самый! – она чуть не задохнулась от восторга.

– Учёный? – вытаращил глаза Акбар.

Ямига отрицательно замотала головой.

– Артист?

– Да нет! – отмахнулась Ямига. – Что ты мне какую-то мелочь перечисляешь.

– А кто же?

– Ну как ты не можешь догадаться! – укоризненно сказала жена. – Он чиновник. А это больше, чем самый крупный учёный, самый знаменитый артист, самый...

– А-а-а... Так сразу бы и сказала. Я его, кажется, один раз в президиуме видел. Важный такой, солидный.

– Да? Ну вот и хорошо! – обрадовалась Ямига. – Мне спасибо скажи. Что б ты делал без меня?

Акбар в знак полного согласия хотел обнять жену, но не осмелился. Да и как её теперь обнимешь, если она все эти двадцать лет росла вширь и стала необъятной, как баобаб.

– Теперь к свадьбе нужно как следует подготовиться, – продолжала Ямига. – Мы не можем ударить в грязь лицом перед всем городом. Вспомни, какая свадьба была у...

Ямига назвала самую громкую фамилию в городе. Акбар испуганно выпучил глаза, но потом всё-таки кивнул.

Список гостей – тонкое дело. Не считая родни, нужно всё тщательно обдумать: кого пригласить из престижных сообщений, кого – чтоб досадить недругам, а кого – в назидание. Всё нужно учесть. Человек из строительного треста, человек из универмага, продавец универсама, кассир театра... Один гость нужнее другого, другой важнее третьего. Ясно, что в этом деле Акбар был, как говорится в старом анекдоте, «абсолютно некомпетентен», то есть некомпетентен. Да ему это было и ни к чему.

Ямига без всякой помощи сама блестяще справилась с этим сложным делом и тут же переключилась на заботы о столе, который должен был быть под стать гостям. Труднейшая задача при нашем снабжении, но, слава богу, в распоряжении Ямиги был Акбар. Вот тут уж он незаменим. Од-

нако даже ему, можно сказать специалисту по доставанию, пришлось попотеть. Желания женщины причудливы и беспредельны, если она подключит к делу честолубие. Какая свадьба, например, без бананов, устриц или без ласточкиных гнёзд, которые эти удивительные птички изготавливают специально на экспорт? Сами понимаете, без всего этого башкирская, да и любая другая свадьба в наших краях будет уже не свадьбой, а какой-то пародией на свадьбу. Мы не говорим уже о таких мелочах, как сногсшибательный плов, пельмени, бишбармак и другие блюда, для которых потребовалось мясо всех животных и рыб, какие только водятся в развитых, развивающихся и совсем недоразвитых странах. А ягоды, фрукты, овощи для пирогов, салатов, закусок? Да разве всё перечислить! И тем не менее Акбар всё это добыл, принёс и сложил на кухне. Да что там еда! Несмотря на середину зимы, свадьба не может быть без сирени. Таков обычай. И она стояла в вёдрах с водой, источая весенние одурманивающие запахи. Как это удалось Акбару? Неизвестно. Большой опыт плюс вдохновение всегда дают замечательные результаты.

Когда до свадьбы оставалось всего три дня, Ямига пригласила в дом сваху Зияфат, которая оказалась непревзойдённым спецом по праздникам, поводов для которых ей, жене Кумакаева, выдумывать не приходилось. В связи со служебным положением мужа вся её жизнь состояла из банкетов, приёмов и юбилеев. А если учесть, что Кумакаева никто и никогда не собирался снимать с важной должности, то

праздничная жизнь Зияфат за государственный счёт сделала её в этих вопросах своеобразным профессионалом.

Зияфат-ханум сытыми сливовыми глазами осмотрела всё, что было приготовлено к свадьбе, и снисходительно одобрила. Однако Ямига, затаив дыхание, ходила за ней по пятам и готовилась к самому худшему. И она не обманулась. В конце осмотра опытная сваха из высших сфер вдруг повернулась к ней.

– Всё хорошо, – прогудела она, – всё есть. Но только я не вижу...

– Чего? – едва выговорила Ямига.

– Молочка, – засмеялась Зияфат. – Да ладно уж.

– Нет! Какого молочка?! – взъерошилась Ямига.

– Э-э-э... Ну как его? – Зияфат дотронулась пальцами до своего лба. – Одним словом, я его называю птичье молоко. Амодестик его обожает. Ну да ладно, на нет и суда нет, обойдёмся.

И опять снисходительно засмеялась.

Ямига, как от удара, застыла, открыв рот. Стол, на который было потрачено столько сил, в её глазах начал рушиться. Отсутствие неведомого молочка да ещё такой обидный смех показали ей катастрофой, и она молча, растерянно повернулась к мужу. Акбар без разъяснений, как говорят охотники, сделал стойку, щёлкнул каблуками по-военному и ринулся из дома. Всё произошло в мгновение ока, то есть очень быстро. И это, по-видимому, сыграло свою роль. Кто зна-

ет, если б Акбар всё-таки поинтересовался, что именно ему необходимо найти, хотя бы уточнил название продукта, может быть, всё было бы по-другому и ему не пришлось бы испытать столько трудностей и приключений, о которых нам предстоит рассказать дальше.

Ключи Кумакаева

Есть такое мнение в определённых узких кругах, что у настоящего мужчины в кармане должно лежать пять ключей. Так вот, у Кумакаева ключей действительно было пять. Многовато, конечно. Но на какие только жертвы не пойдёшь ради престижа! Как папуас не смог бы существовать без колец в носу и ушах, так и Кумакаев без этих ключей в кармане был бы уже не Кумакаев, а кто-то совсем другой.

Первый ключ – самый тяжёлый, с зубчиками и вырезами. Он означает, что Кумакаев имеет должность, и немаленькую. Может быть, она и без собственной печати, зато в распоряжении Кумакаева есть большой сейф. Неважно, что в сейфе нет деловых бумаг с производственными секретами (вся деятельность нашего героя, то есть что собственно он делает на службе, – большой секрет, никто этого не знает), но зато там можно найти служебный коньяк (обычный коньяк, хранящийся в служебном сейфе), баночки с башкирским мёдом, бутылки с башкирским бальзамом и другие занятные сувениры, с помощью которых можно поддерживать популярность среди дам типа жены Акбара, которая при имени Кумакаева, как известно, едва не упала от счастья в обморок.

Второй ключ – самый распространённый в мире. У Кумакаева этот ключ открывает четырёхкомнатную квартиру со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. В такую

квартируходишь, как в сказку (то есть с удовольствием), а выходишь с вопросом в голове: почему государство так расщедрилось именно на Кумакаева? На полу – ковровый линолеум, кругом панели из красного дерева, в стены вделаны полированные шкафы, не говоря уж о кафеле, паркете, телефонах и даже больших кувшинах по углам, которые некогда украшали местный краеведческий музей.

Третий ключ тоже имеет определённую ценность. Он от дачи. Трёхэтажной с мансардой. Некоторые сравнивают дачу Кумакаева с дворцом небезызвестного царя Гвидона. из сказки Пушкина. Но это очень поверхностное суждение. Куда смешному царю до Кумакаева! У Гвидона ни воды, ни электричества, ни лифта не было. А если взять баньку, то, кроме берёзового веника, вообще ничего общего. К тому же распаренное его величество мчалось из бани во дворец в чём мать родила, отмахиваясь чем попало от комаров и простудных вирусов, в то время как Кумакаев без всяких помех величественно шествует в свои палаты по облицованному кафелем подземному коридору. Но главное не в этом. Гвидону далеко до Кумакаева в том смысле, что царь все эти удовольствия оплатил из своей казны, а Кумакаев из собственного кармана и копейки не потратил. Вот это чудеса! По сравнению с этим чудом белка, которая у Гвидона якобы грызла орехи с золотой скорлупой, – тьфу! Не стоит даже упоминания. Да и не бывает таких орешков, нет их на свете. Красивый миф для дураков – и всё. А вещами из благородного ме-

талла Кумакаева не удивишь, их у него вполне достаточно.

Четвёртый ключ – самый маленький, самый невзрачный, но он тоже довольно ценный. От новой иномарки. Были у Кумакаева и «жигули», и «Волга», но это было давно. Ошибки молодости. У кого их не бывает! Сейчас Кумакаев о тех машинах даже вспоминать стыдится, хотя он и совсем не автолюбитель. Ни водить машину, ни возиться с ней он не любит. Просто в его положении не иметь личной иномарки нельзя, люди не поймут. А вообще-то Кумакаев любит ездить на служебной машине. Зияфат и Амодестик также любят. Обычно, пока Сам занят, Зияфат успевает весь город объездить, все дела переделать и отдаёт «служака» Амодестику, у которого дел тоже много.

Ну и, наконец, пятый ключ. Особый. С одной стороны, он вовсе не Кумакаева, а с другой – безусловно, его. С помощью этого ключа вот уже целый год Кумакаев в любой день может оказаться в горячих объятиях Мархабы, женщины, которая верит, что Кумакаев её любит и скоро женится на ней. Этим Мархаба похожа на многих других знакомых женщин Кумакаева. Вопрос престижа? Да. Избыток сил и времени? Тоже да. Дефекты воспитания? Пожалуй, и это. Не всякий, конечно, коллекционирует амурные похождения, но насчёт уверенности в себе, уж позвольте, Кумакаев считает себя неотразимым мужчиной. Между прочим, он даже не знает, сколько Мархабе лет. Недосуг поинтересоваться. Марафет наведёт – двадцати не дашь, не наведёт – пятьдесят мало.

Кумакаев задумчиво вертит всеми пятью ключами. Когда он один в своём кабинете, на его лице масляное выражение. Это при народе нужно казаться серьёзным и солидным. А сейчас к чему? Да и как сделать умное лицо, если в голове совсем не государственные мысли и не государственные заботы. Сейчас Кумакаев думает о том, куда бы опять съездить проветриться, в какую сторону и как повеселее провести в будущей командировке служебное время. Ну и, конечно, главное место в этих мечтах занимают любимые женщины, ждущие его, Кумакаева, во всех краях нашей бескрайней Родины. Можно ехать туда, можно – сюда... Да что перечислять! Разве перечислишь все приятные мысли и маршруты Кумакаева!

Знает не тот, кто ест, а тот, кто делит

Птичье молоко – пищевой продукт, поэтому Акбар сразу направился в лучшую ашхану города. Причём проник туда не через дверь, куда входят все, а через чёрный ход. Прямо в кабинет директора. Директор ашханы вздрогнул при его появлении, хотя в данный момент был в кабинете не один. Возле него вился человек в кожаном пиджаке.

– Вы ко мне? – спросил директор.

– Да, – сказал Акбар.

– Но вы же видите, что у меня человек! Подождите за дверью.

Однако Акбар сделал всё наоборот. Он прошёл в центр кабинета, снял с головы норковую шапку и широко улыбнулся. Директор внимательно посмотрел на норковую шапку, встревоженно задумался и одним движением бровей приказал кожаному пиджаку исчезнуть.

– Добро пожаловать, – сказал он и в ответ так ослепительно улыбнулся, что его глаза превратились в две очень узенькие щёлочки.

– Я к вам по делу, – сообщил Акбар, сообразив, что у обладателя таких щёлочек просить что-либо напрямую абсолютно бесполезно.

– По делу? – изумился директор. – По какому?

– Э... мне любое дело по плечу, – туманно сказал Акбар.

– Не понимаю, – насторожился директор.

– По объявлению я, – нашёлся Акбар. – Прочитал, что вам требуются рабочие.

Директор опять уставился на норковую шапку Акбара, потом перевёл взгляд на прекрасное демисезонное пальто, отличную импортную обувь и вытер пот со лба.

– Извините, а какое у вас образование? – спросил он.

– Среднее универсальное, – ещё туманнее выразился Акбар.

– Вы опытный рубщик?

– Не очень. Но я буду стараться.

Директор почесал широкий затылок. Всё было очень подозрительно. Кто он, в норковой шапке? Общественный контролёр, журналист-ашханист или просто недовольный клиент, накануне проглотивший за обедом гвоздь? В природе не существует таких заведующих пунктами общественного питания, которые бы ничего не боялись, поэтому данный руководитель был вполне нормальным, то есть в меру пугливым директором.

– Хорошо, беру, – сказал он против своей воли. – Доверие оправдаешь?

– Какое доверие? – удивился Акбар.

Это было ещё подозрительнее, но директор пошёл, как говорится, ва-банк.

– В нашей работе, – поборов страх, пояснил он, – главное – помнить следующее: знает не тот, кто ест, а тот, кто делит.

Понятно?

– Конечно, понятно, – сказал Акбар. – Кто ест, тот ничего не знает.

– А кто знает, – уже более смело продолжил директор, – тот что должен?

– Делить, – сказал Акбар.

– И?.. – настаивал директор.

– Молчать, – нашёлся Акбар.

– Правильно! – обрадовался директор. – Тогда иди и дели.

Акбар взял в коридоре первый попавшийся огромный топор и пошёл туда, где рубят мясо. Подходя к кухне, он услышал отчаянный визг. В этот момент навстречу ему откуда-то вывернула «кожанка», которую он встретил у директора.

– Послушай, ты не знаешь, что там за визг? – обратился Акбар к нему, как к старому знакомому, но тот зловеще улыбнулся двумя рядами золотых зубов.

– Во-первых, с этого дня я для тебя не ты, а вы, – сказала «кожанка». – Во-вторых, ты меня должен уважать и любить, а в-третьих, впредь без моего разрешения к директору ни шагу. Понял?

– Почему? – удивился Акбар.

– По кочану, – ухмыльнулись золотые зубы. – Теперь я твой начальник и по любому вопросу ты должен обращаться ко мне. А зовут меня Татлыбай.

– Понятно, – вздохнул Акбар.

Сопротивляться и возмущаться в данный момент ему бы-

ло невыгодно. Пока выгодно было молчать и терпеть, даже от такой дешёвки с золотыми зубами. Главное для Акбара – присмотреться и определить, где тут находится птичье молоко. Пока это было совсем не ясно.

– Ну что ты встал как пень?! – сразу же приступил к своим обязанностям Татлыбай. – А ну марш на рабочее место!

Все мы любим почертыхаться, то есть поупражняться в критике в адрес отдельных лиц, но в большинстве случаев делаем это только про себя, по разным причинам откладывая на неопределённое время расправу со всякими хамами, в особенности с теми из них, которые выше нас по должности. Вот так и Акбар, проглотив грубость, в ответ только кивнул головой и поплёлся со своим огромным топором на кухню.

Оказалось, что в облаках пара, среди плит и огромных кастрюль визжат вовсе не поросята, а две поварихи. Обе в одинаковых грязных халатах и таких же шапочках, но одна огромная, как русская печка, а другая тощая и длинная, как кочерга, хотя и визжала она громче.

Акбар долго слушал пронзительные крики, но не вмешивался. И только тогда, когда в облаках пара замелькали половник и скалка, решил попробовать.

– Эй, гражданочки, минутку, – сказал он. – Чего вы не можете поделить?

– А ты кто такой?! – без всякой паузы взъелась на него тощая. – Тоже получить хочешь?!

– Не суйся, куда не просят! – грозно добавила толстая. –

Я тут старшая, а она младшая.

– Ну и что? – не понял Акбар.

Та, что назвалась старшей, посмотрела на него оценивающим взглядом и немного смягчилась.

– Мы критикуем друг друга, – сказала она. – Я ей указываю на упущения и советую, как улучшить работу.

– Улучшить?! – возмутилась тощая повариха, которую звали Тансык. – Она всё врёт! Она постоянно себе филе забирает, а мне кости подсовывает.

Акбар посмотрел на обеих, как судья.

– Ну и пусть забирает, – сказал он. – А драться-то зачем? Ты из костей суп вари, а она из филе котлеты сделает. Посетители всё съедят. И первое, и второе.

Толстая и тощая одновременно округлили глаза.

– Полюбуйся на него, – наконец сказала Тутыя, старшая. – Откуда это ещё один дурак свалился на нашу голову?

– И вправду дурак, – согласилась с ней «кочерга». – Моя семья по горло сыта костями! Сколько можно это терпеть?! Мы не собаки, нам филе нужно! – закричала она на этот раз почему-то Акбару.

– Мало что тебе нужно! – сразу же сердито набросилась на неё Тутыя. – И за это спасибо скажи. Другие и этого не имеют.

– А ты мясом не подавись! – опять завизжала младшая. – Сейчас-то в дверь боком протискиваешься, а скоро совсем не пролезешь! Смотри, проверяющие и на это обращают

внимание.

– Что ты сказала?! – рассвирепела старшая. – А ну повтори! Если мной заинтересуются, то и ты чистенькой из воды не выйдешь! Сообщников там тоже любят!

Повариха с помощницей опять завизжали и снова схватились за «оружие», но тут Акбар, чтоб отвлечь боевых подруг, опять встрял между ними.

– Постойте, – сказал он. – Сначала скажите, что мне делать, а потом критикуйте друг друга. А то вы заняты, а я нет. Для убедительности он взмахнул топором.

Поварихи с трудом отвлеклись от выяснения производственных отношений, указали Акбару на тушу, предназначенную к разделыванию, и снова схватились. Акбар под визг и ругань таял топором, стараясь хоть изредка попадать по мясу. Собственно, он не столько рубил, сколько осматривался.

Вокруг было много всякой всячины, но нужного на глаза не попадалось.

– Эй, где вы там? – наконец сказал он поварихам, когда всё было обследовано самым внимательнейшим образом.

Потасовка прекратилась. Раскрасневшиеся поварихи одновременно вынырнули из облака пара.

– Уже? – спросила толстая Тутыя.

– Не совсем, – ответил Акбар. – Надо передохнуть. У вас случайно молочка не найдётся?

– Найдётся. Сейчас налью.

– Не пей этого молока, – мстительно прошипела «кочерга». – Она его два раза разбавляла.

– Ну и что? – беззаботно сказал Акбар, чтоб подмазать старшей. – Значит, его больше стало.

– Конечно, больше, – благодарно подхватила Тутыя. – Я о клиентах забочусь. Чем больше жирность молока, тем оно вреднее.

Пока младшая повариха ругалась, старшая открыла холодильник и достала флягу.

– Пей, – почти ласково сказала она Акбару.

– Коровье, что ли?

– Ну да. А какое же ещё?

– Да не хочу я коровьего! Я птичье молоко имел в виду.

– Птичье? – удивилась толстуха.

– Ну да. Где оно у вас?

– У нас такого нет.

– А где оно? – наступал Акбар. – Домой унесли?

Толстуха подняла плечи и закатила глаза.

– И слава богу, что нет, – встряла «кочерга», – а то б она и птичье развела.

– Уйди, без тебя разберёмся, – очнулась Тутыя. – Не суй свой нос не в свои дела!

Поварихи опять занялись своим любимым делом, то есть стали визжать и драться, а Акбар, вздохнув, воткнул топор в деревянную колоду, повернулся и снова отправился к директору.

Как и в прошлый раз, возле него увивался непосредственный начальник Акбара Татлыбай.

– В чём дело? – улыбнулся директор.

– Товарищ директор, – придав лицу озабоченное выражение, начал Акбар, – в целях расширения ассортимента блюд и приобретения ашханой своего неповторимого кулинарного лица, наш коллектив в лице начальника Татлыбая, поварих и меня решили с сегодняшнего дня включить в меню новое блюдо, чтобы от лица...

Татлыбай, поначалу разозлившийся на то, что Акбар лезет к директору через его голову, услышав своё имя, с готовностью и даже радостью закивал головой, тут же сделав вид, что полностью «в курсе».

– Да, вот именно, – встрял он, – мы решили...

– Испечь мясной торт, – подсказал Акбар.

– Вот именно, мясной, – подтвердил Татлыбай.

– Мясной торт? – удивился директор. – О таком я никогда не слышал.

– Народная кухня, – нашёлся Акбар, – древний рецепт. Но моя бабушка обычно добавляла в него особого молока.

– Вот именно, – подтвердил Татлыбай, – особого. Какого?

– Да, какого именно? – поинтересовался директор, не терпевший неясностей.

– Птичьего, – сказал Акбар.

Директор посмотрел на Акбара, потом на Татлыбая, и его брови уползли на лысину.

– Вот именно, – подтвердил Татлыбай. – Птичьего!

– Но у нас нет такого молока, насколько я знаю...

– Нет?! – удивился Акбар. – А куда же оно делось?

Директор вернул брови на место и повернулся к Татлыбаю.

– Значит, так, – сказал он, – вашу инициативу одобряю, но с птичьим молоком будет трудно. Нужно подумать.

Татлыбай с готовностью кивнул. Акбара это не устраивало, он не собирался надолго задерживаться в ашхане, поэтому предпринял ещё одну попытку подтолкнуть директора к более энергичным действиям:

– Но, может быть, птичье молоко ашхана всё-таки получает? Просто его кто-нибудь унёс домой?

– Нет, это исключено, – отрезал директор. – В моей ашхане домой можно унести только то, что я разрешу.

Акбар понял, что директор говорит правду, и искренне расстроился. Он уже хотел навсегда покинуть ашхану, однако его мягко остановили. Директор был тёртый калач, он не верил в мясные торты из глубины веков, но сам Акбар его заинтересовал. Отослав Татлыбая на кухню, он решил побеседовать с новым работником тет-а-тет. Оскорблённый Татлыбай, угрожая скрипя кожанкой, вышел из кабинета, но теперь Акбар не обратил на него никакого внимания. Татлыбай больше не нужен ему был.

Богом отмеченный

Рыбак рыбака видит издалека. Директор ашханы сразу сообразил, что дело вовсе не в торте, который якобы пекла бабушка Акбара, а в том, что новый работник человек ищущий. Директор и сам был человеком ищущим, но немного другого профиля. Он был менялой. Менял, например, редкие консервы на экзамен по физике для дочери, филе – на садовый участок с особо благоприятными климатическими условиями, сгущённое молоко – на редкие подписные издания. И так далее и тому подобное. Причём делал всё это с государственным размахом, так как все дефицитные продукты были действительно государственными...

Одним словом, несмотря на большую перегруженность собственными махинациями, директор ашханы решил помочь Акбару в обмен на честное слово поделиться птичьим молоком, когда оно будет найдено. Акбар согласился, и директор познакомил его с человеком по прозвищу Пуп Земли. Прозвище, конечно, не очень красивое, но верное по сути. На всех продовольственных базах есть такие Пупы. Они ничего не достают, но они всё знают. Для таких, как Акбар, Пуп был бесценной находкой. Это только наивному человеку кажется, что с большой базы можно тащить всё, что угодно, когда угодно и кому угодно. Ничего подобного. На большой базе в этом деле большой порядок, который в тонкостях из-

вестен именно Пупу Земли, хотя и тут есть кое-какие но. Во-первых, Пуп не со всяким будет знакомиться, а во-вторых, он посвящает страждущих в тайны далеко не бескорыстно.

Благодаря протекции Пуп принял Акбара приветливо и вскоре открыл ему многие специфические особенности работы продовольственной базы, о которых не всё знает милиция. За это Акбар делился с Пупом небольшими суммами и, конечно, побывал во всех укромных уголках базы, в святой святой, так сказать, нашего снабжения, однако везде потерпел неудачу. Пуп выслушивал доклады Акбара и только качал головой.

– Так, всё понятно, – сказал он наконец. – Стало быть, тебе необходимо познакомиться с самим Апостолом.

– С кем? – не понял Акбар.

– С Апостолом, – повторил Пуп.

– Живым?

– А каким же? – пробурчал Пуп. – Живым дефицита не хватает. Апостол – это человек, который всё может.

– И птичье молоко?

– Змеиные рога достанет! – твёрдо сказал Пуп. – Только человек он непростой, не чета нам. К нему так просто не подъедешь.

– Ну так познакомь! – загорелся Акбар.

– Это сложно, – вздохнул Пуп.

– А кто он такой? Где работает? – попытался пробиться к сути дела Акбар.

– А зачем тебе знать? – отрезал Пуп. – Для тебя он Апостол – и всё. Богом отмеченный. Понял?

– Как?

– Так. Нам с тобой до него как до неба. Смотреть можно, а понять нельзя. И добраться трудно, накладные большие...

Акбар шмыгнул носом, почесал затылок и полез в карман.

– Ну раз уж тебе так нужно, – пряча в карман деньги, вздохнул Пуп (он всегда вздыхал, когда брал), – завтра попробуем пригласить его в ресторан.

Акбар плохо проспал ночь. Ему снились банки с птичьим молоком, облизывающийся Амодестик и таинственный Апостол, почему-то смахивающий на обыкновенную куклу. Впрочем, дома Акбара даже не заметили. Суматоха, примерки нарядов, приготовления к свадьбе. Да и кому он нужен, если ничего не достал?

Что правда, то правда, Апостол прибыл в ресторан вовремя. Он оказался вполне земной, с иголки одетой невзрачной личностью. Почти не обращал внимания на Акбара и даже на Пупа Земли, охотно пил дорогую водку, коньяки, марочные вина и танцевал с сильно накрашенными ресторанными красавицами. Акбар пытался установить с ним хоть какой-нибудь контакт, но Апостолу всё время было некогда. Он то отдавал распоряжение заказать что-нибудь ещё, то пропадал в нервных вспышках светомузыки. Оказалось, что все официанты прекрасно знают его и уважительно спешат исполнить любое его желание.

Под взглядом Пупа Акбар чувствовал себя чем-то вроде таракана, который неизвестно как попал сюда и ещё пытается заманить великого человека в свои мелочные тёмные делишки.

– Да что вам неймётся? – покровительственно сказал Апостол после очередной попытки Акбара поговорить о деле. – Куда вы скачете? Оставьте заботы, веселитесь, отдыхайте. Работу нужно выполнять в рабочее время.

И с размахом отдыхал на деньги Акбара.

На следующий день Акбар поплёлся к Апостолу на службу, место которой ему всё-таки удалось вырвать у «отмеченного Богом». Однако попасть к нему оказалось не таким простым делом. Секретарша долго теснила Акбара большой грудью и чуть не задушила умопомрачительными духами, пока он не подарил ей плитку шоколада фабрики имени Бабаева и две гвоздики.

Апостола он нашёл в очень плохом состоянии. Тот сжимал кулаками виски, делал отчаянные гримасы, охал и мотал головой. Он так был занят всем этим, что сначала даже не заметил Акбара.

– А, это ты, разбойник, – наконец недовольно сказал он. – Ой, не могу! Напоили меня вчера какой-то дрянью. Ой!

– Какой дрянью? – осторожно возразил Акбар. – На столе всё было только высшего качества.

– Ой, всё равно дрянь! – простонал Апостол. – Отравился я, не видишь, что ли?

– Тогда, может, пойти... того? – предложил Акбар, щёлкнув себя по горлу.

Апостол поправил галстук и приосанился, насколько мог с похмелья.

– Нет, мы этого делать не будем, – с нажимом сказал он. – Я на службе.

Акбар сообразил, что предлагать такое святому нетактично, поэтому молча повернулся и ринулся в магазин. На этот раз, придирчиво осмотрев все коньяки, он выбрал самый безукоризненный.

Апостол сразу почувствовал себя легче. Он даже смог без посторонней помощи выбраться из-за своего огромного стола и прошёлся по кабинету. А когда Акбар сбегал за лекарством во второй раз, глаза его приняли осмысленное выражение и он согласился снова пойти в ресторан. В приёмной возле секретарши тем временем уже толкалось много людей, желающих попасть на приём.

– Нельзя! – громко и твёрдо отвечала на нетерпеливые вопросы секретарша. – Начальник занят.

– А чего ж тогда этот туда-сюда к нему шастает? – поинтересовался кто-то, имея в виду Акбара.

– Он из ремонтной бригады, – вывернулась секретарша.

– Знаем мы этот ремонт, – не поверили посетители, – напиваться не надо с вечера.

На это рассерженная секретарша объявила, что начальник срочно убыл в министерство, и почти вытолкала всех из при-

ёмной.

В течение ещё трех дней Акбар по утрам восстанавливал здоровье Апостола, а по вечерам напивался с ним в ресторане. Причём толку от этого практически не было никакого. Апостол оказался крепким орешком, то есть оставалось совершенно неизвестным, когда он соизволит поговорить о деле.

Акбар всё больше мрачнел, а потом снова отправился к Пупу Земли.

– Нет толку, говоришь? – встретил его Пуп.

– Нет, – вздохнул Акбар. – Пьёт как лошадь, а потом болеет.

Непьющий и некурящий Пуп задумался.

– Есть один способ заарканить его. И сейчас мы это дело провернём.

Он набрал служебный телефон Апостола:

– Алло! Это кто?.. А сам?.. Занят?.. Да, неотложное. Нет, только самому.

– Сказала: «Минуточку». Но что-то ничего не слышно, – зажав трубку, сообщил он Акбару.

– Трубку, наверное, взять не может... Или взял не ту. У него телефонов много.

Пуп нажал на рычажок и снова позвонил.

– Да, это опять я, – сказал он строгим голосом. – Что у вас там случилось? Почему сам трубку не берёт?

– Алло, ик! – наконец ответила трубка голосом Апосто-

ла. – Ик!

Пуп Земли выдержал паузу и зловещим голосом без всяких вводных прорычал:

– Не зарывайтесь, над вами сгущаются тучи!

– А? Кто это? Ик! – встревожились на том конце.

– Повторяю, прекратите пьянство, иначе я ни за что не ручаюсь! – властно прогудел Пуп. – Белый дом держит вас на заметке.

– Алло! – совсем испуганно задребезжала трубка. – Кто это?

– Неважно кто, – проворчал Пуп, нажимая на рычаг, – один знакомый прокурор, вот кто!

И засмеялся.

– Ну, теперь беги, – сказал он Акбару. – Икать перестал, значит, испугался. Бери его тёпленьким. Теперь пить не будет, а остальное сообразишь. Да не забудь захватить с собой сувениры.

Акбар сделал всё так, как рекомендовал Пуп Земли. Апостола он застал в заметной растерянности. «Отмеченный Богом» зачем-то рылся в ящиках своего стола и изредка швырял во все углы кабинета папки и бумаги. Он, наверное, так бы и не заметил посетителя, если б одна из папок не стукнула Акбара, как говорят в простом народе, по чайнику. Акбар, как подкошенный, повалился на ковёр и этим произвёл некоторый шум.

– А, это ты? – удивился Апостол, когда Акбар восстал из

деловых бумаг, как Феникс из пепла.

– Я, – сказал Акбар и вытряхнул из сумки сувениры.

– Что?! – благородно возмутился Апостол и с негодованием отскочил подальше. – Как это понимать? Взятка среди бела дня? Да вы знаете, что за это полагается?!

Перепуганный Акбар покраснел и, не говоря ни слова, стал складывать баночки с мёдом и шкалики с коньяком обратно в сумку. Его охватило отчаяние. «Нет, мне его не взять, – думал он. – Нашёл чем удивить великого человека. Что ему этот жалкий мёд и не менее жалкий коньяк? Смертельно обидел...»

Но Апостол оказался гораздо лучше, чем о нём думал Акбар. Он неожиданно сменил гнев на милость и даже потёр руки.

– Ну вы торопыга! – оглянувшись на открытую дверь кабинета, строго сказал он. – Сначала нужно закрыть за собой дверь, а потом приступить к делу. Бросьте всё это куда-нибудь... ну хоть туда, – он глазами показал на корзину для бумаг. – Сверху чем-нибудь прикройте и идите, идите. Работы по горло, а они тут шатаются. Потом как-нибудь...

Пуп Земли

Акбару ничего не оставалось, как выполнить указания и отправиться восвояси, теперь уже абсолютно ни на что не надеясь. Обдумывая поведение Апостола, который опрокинул все его представления о подходе к людям, Акбар, выйдя из учреждения, впал в состояние прострации. Остановившись на проезжей части улицы, он открыл рот и долго смотрел на небо, не замечая того, что мешает движению транспорта. Акбар так бы, наверное, и превратился в новый дорожный знак, типа, «Осторожно, ротозей!», если б не случайность. На него наткнулся ехавший на крутой иномарке Пуп Земли. Пуп притормозил и сказал:

– Ну что, опять полное фиаско?

– Оно, – очнулся Акбар.

Пуп Земли на всю улицу рассмеялся.

– А ты не унывай, – сказал он. – У Апостола железная воля. Расскажи лучше, что он тебе сказал.

– Ну, сначала папками швырялся, – начал Акбар. – Чуть меня не убил.

– А потом?

– А потом рассердился. Какое, говорит, ты имеешь право давать мне взятку средь бела дня?

– А потом взял?

– Нет, не взял. Велел всё бросить в мусорную корзину и

бумагами забросать.

– Да? – сразу же заинтересовался Пуп Земли. – Так и сказал: «Средь бела дня»?

– Так и сказал, – печально подтвердил Акбар.

– Так это же замечательно! – неожиданно сказал Пуп Земли. – Значит, он тебе стал доверять. Завтра же смело иди к нему.

– Опять?! – схватился за голову Акбар.

– Не опять, а снова, – поправил его Пуп. – Только теперь вот что...

Пуп не договорил, оторвал руку от руля и почесал затылок.

Акбар подождал.

– Ну? – спросил он нетерпеливо.

Пуп сделал индифферентное лицо и снова почесался.

– Я слушаю, – наклонился поближе к нему Акбар.

– Э-э-э... – на Пупа неожиданно накатило косноязычие.

Акбар сообразил, рука его потянулась к карману, после чего к Пупу тут же вернулась способность говорить.

– Он тебе объяснил, что средь бела дня нельзя давать взятки?

– Объяснил, – согласился Акбар.

– Ну так в чём дело? Сегодня же вручи ему подарки не днём, а ровно в полночь. Это ему наверняка понравится. Он ждёт от тебя культуры взаимоотношений, понял?

После этого Пуп Земли испарился, а Акбар, постанывая

от тяжести предстоящих расходов, поспешил в сберкассау.

На этот раз Пуп оказался прав. Когда в полночь Акбар вежливо поскрёбся в дверь квартиры Апостола, тот встретил его очень радушно. Он тут же спрятал хрустальную вазу в эфиопский комод, посмотрел на гостя лучистым взглядом и сказал:

– Ну теперь, вижу, соображаешь. Проси, что хочешь.

У Акбара, как у влюблённого перед первым поцелуем, сердце подступило к горлу.

– Жених у дочери... – не очень складно начал он.

– Ну и что? – сказал Апостол.

– Молочко любит, – пожаловался Акбар.

– Ну так дайте.

– Не можем. Нет такого, – сказал Акбар. – Ему птичье подавай.

– Птичье? – Апостол уставился на Акбара.

– Да, – твёрдо сказал тот.

Всемогущий Апостол схватился за голову, поднял глаза к небу и начал что-то шептать. Он синел, краснел, моргал попеременно то одним глазом, то другим, а потом в изнеможении рухнул на диван и потерял сознание. Акбар бросился оказывать ему первую помощь. Тормошил великого человека до тех пор, пока тот не открыл глаза и не сказал: «У».

– Что «у»? – не понял Акбар.

– У-у-у, – тянул Апостол, – у нас на базе всё есть, но птичьего молока точно нет.

Теперь пришла очередь Акбара падать в обморок. Успев вырвать из своей головы всего один клоч волос, он тоже рухнул без чувств.

Никто не знает, сколько ждал Апостол. Во всяком случае когда Акбар пришёл в себя, возле него стояло ведро с валерьянкой.

– Ну вы даёте! – укоризненно сказал Апостол. – За вашу жизнь боролась целая бригада врачей.

– И где ж они? – спросил Акбар, обводя ещё мутными глазами комнату.

– Вы слишком долго не приходили в себя, поэтому они ушли и велели, если вы придёте в себя, выпить это.

Он показал на ведро.

Акбар безучастно слушал Апостола. Теперь его ничего не интересовало, даже валерьянка.

– Птичьего молока у нас нет, – повторил Апостол, – но я знаю, где его нужно искать. Идите в НИИ пищевой промышленности. Они должны его производить. Хотя бы в экспериментальном порядке.

Услышав это, Акбар тут же пришёл в себя. Для оживления ему нужна была только идея. Уловив её, он вскочил и ринулся в ночь, хотя на дворе было уже вполне созревшее утро.

ЛНМ

НИИ «Молмаскискапустaproект» в 9:15 был уже пуст. Сначала Акбар подумал, что тишина во всём здании объясняется сосредоточенной работой коллектива, и прошёлся по коридору на цыпочках. Однако во всех комнатах, куда он заглядывал, не было ни одного человека. Впрочем, одного он всё-таки обнаружил. Это была секретарша директора. Пристроив зеркальце на пишущей машинке, она внимательно, будто впервые, рассматривала себя в анфас и в профиль.

– Извините, – чтоб не испугать её, вежливо сказал Акбар.

Однако девушка не только не вздрогнула, но даже не обернулась. Тогда Акбар кашлянул.

– Не кашляйте, – сказала секретарша. – Вы к кому?

– Мне, собственно... – Акбар для вида замялся, – нужен сотрудник. Любой. Ну хоть какой-нибудь.

– Любой? – удивилась девушка, направив на Акбара два прекрасных глаза, один из которых был уже накрашен, а второй нет. – Может быть, вам нужен директор?

– Если можно, – согласился Акбар.

– Директора сейчас нет. А заместитель вам не подойдёт?

– Можно и к нему. Как его найти?

– Его сейчас тоже нет.

– Тогда я могу подождать, – сказал Акбар.

– Как хотите.

– А когда он появится?

– Не знаю. Он за границей на симпозиуме.

– О!

– Что «о»? – сказала девушка. – Может быть, вам будет достаточно заведующего отделом?

– Сойдёт, – сказал Акбар, – давайте заведующего.

– Ой, это гораздо проще. Он такой хороший человек! – призналась девушка. – Но его тоже нет.

– Тоже за границей?

– Нет, он в Янгантау. Лечится.

– Заболел?

– Нет, он лечится, чтоб не заболеть. Вам, пожалуй, ещё проще обратиться к какому-нибудь завсектором.

– Пожалуй, – согласился Акбар. – Но во всех комнатах пусто.

Девушка оторвалась от зеркала.

– Ну что тут непонятного? – сказала она. – Все на работе, но только разошлись по служебным делам. Вот здесь всё записано, можете взглянуть.

Она показала на толстый потрёпанный журнал.

От нечего делать Акбар полистал его. Действительно, согласно записям, все работники НИИ разошлись по срочным делам по крайней мере в три десятка разных учреждений – начиная с главка и кончая таинственными конторами, обозначенными иксами и играками. Как следовало из журнала, отхожий служебный промысел сотрудников повторялся изо

дня в день, из месяца в месяц, поэтому в голову каждого просматривающего этот фолиант автоматически приходила мысль о том, что это шикарное здание в пять пустующих этажей институту совсем ни к чему. Естественно, что эта мысль пришла в голову и Акбару, но он тут же отбросил её, так как знал, что есть люди гораздо умнее его, которые знают, что нужно, а что не нужно всем нам, в том числе ему, Акбару.

Секретарша дорисовала последние недостающие штрихи на своём и без того красивом личике, потом прошла перед Акбаром походкой манекенщицы, села на край стола и попросила сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.